

Исследования по теории культуры

УДК 81:130.2

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-8-24

Лингвокультурология как культурологическая дисциплина

Юрий В. Филиппов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; l5966720@yandex.ru*

Аннотация. Статья призвана убедить читателя в том, что научная и учебная дисциплина, именуемая в отечественной академической традиции лингвокультурологией, может развиваться более успешно в контексте не только лингвистического, но и собственно культурологического знания, ориентируясь на соответствующие теоретические и методологические установки и используя понятия, термины и исследовательские приемы, разработанные в науках о культуре.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурология, взаимосвязь языка и культуры, анализ дискурсов, культурные значения, языковые явления, языковые структуры, речевая деятельность, лингвокультурные исследования

Для цитирования: Филиппов Ю.В. Лингвокультурология как культурологическая дисциплина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 8 (41). С. 8–24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-8-24

Linguistic Culturology as a Culturology

Yurii V. Filippov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; l5966720@yandex.ru*

Abstract. The article is intended to convince a reader that the scientific and educational discipline, called in the national academic tradition linguo-culturologija, can make more progress in the context of not only linguistic, but also the actual culturological knowledge, focusing on the relevant theoretical and methodological guidelines and using the concepts, terms and research techniques developed in the sciences of culture.

Keywords: linguistic culturology, cultural studies, language-and-culture relationship, discourse analysis, cultural values, linguistic phenomena, linguistic structures, speech activities, linguistic-and-cultural studies.

For citation: Filippov YuV. Linguistic Culturology as a Culturology. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;8:8-24. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-8-8-24

Введение

Предложенный в названии статьи подход подразумевает предварительный ответ на вопрос о том, что представляет собой лингвокультурология сегодня и почему нынешнее положение дел не является оптимальным. Данная проблема, да и оценка ситуации, не являются новыми [1, 2], однако, на наш взгляд, решение пока не найдено. Обращавшиеся ранее к этой теме авторы, хотя и существенно расходятся в степени своей критичности по отношению к лингвокультурологии, практически единодушны в определении путей поиска ее развития. «Продуктивным для развития лингвокультурологии направлением может стать обращение к анализу дискурса» [1 с. 242], – пишет Е.Н. Лучинина и, по сути, продолжает ту же мысль в статье, вышедшей 11 лет спустя, А.В. Павлова: «Есть надежда, что хотя бы отдельные лингвокультурологи переключатся на более осмысленное занятие, чем изучение культурных концептов в отрыве от дискурсов, в которых их только и можно отыскать» [2 с. 212]. В настоящей статье я позволю высказать сомнение в том,

что изучение дискурсов является единственной возможностью развития для лингвокультурологии, а также в том, что такой подход увеличит ее шансы стать самостоятельной дисциплиной, а не приведет к слиянию с методологически более развитой областью филологической критики, утвердившейся сегодня под именем дискурс-анализа, но восходящей в своих основаниях к богословско-экзегетической и философско-герменевтической традиции.

Что такое лингвокультурология

В своей преподавательской практике я на первом же занятии курса предлагаю студентам-культурологам два рабочих определения лингвокультурологии в качестве отправной точки для изучения этой дисциплины. Первое я называю лингвокультурологией в узком смысле и подразумеваю под ним *всю совокупность текстов, представляемых их авторами как тексты по лингвокультурологии*, т. е. учебные пособия, монографии¹ и статьи, содержащие слово «лингвокультурология» в названии или активно использующие его в самом тексте. В настоящее время в ряде российских вузов существуют кафедры, которые напрямую определяют себя как занимающиеся лингвокультурологией. Таковы кафедра общей лингвистики и лингвокультурологии в Казанском федеральном университете [6], кафедра иностранных языков и лингвокультурологии в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского [7], кафедра английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета [8]. Таким образом, кроме корпуса текстов лингвокультурологию «в узком смысле» составляют социальные институты и работающие в них люди, некоторые из которых, вероятно, согласятся назвать себя лингвокультурологами. Каких-либо свидетельств существования области знаний с аналогичным наименованием за пределами России нам найти не удалось, из чего можно заключить, что лингвокультурология в описанном выше смысле – явление в первую очередь отечественное².

Второе из моих рабочих определений лингвокультурологии основано на прозрачной этимологии самого слова: перевод его составляющих дает нам *науку о языке и культуре*. Это – «широ-

¹ Из последних изданий: [3, 4, 5].

² Условное исключение составляют авторы, работающие в Республике Беларусь.

кое» понимание лингвокультурологии, позволяющее включать в нее любые тексты и имена, каким-либо образом затрагивающие проблемы взаимоотношения языка и культуры или отдельных их элементов независимо от места и времени создания этих текстов.

Прием, при помощи которого мы получили оба рабочих определения – по сути своей вполне лингвистический и состоит в поиске денотата слова, точнее его экстенционала, т. е. множества объектов, которые могут быть обозначены данной языковой единицей [9]. В первом случае мы устанавливаем экстенционал по самоидентификации объектов, во втором – опираясь на известные нам факты внеязыковой действительности (знание литературы по соответствующей тематике) и распространяя их на всю потенциально возможную совокупность объектов, способную удовлетворить тем же условиям (тексты «про язык-и-культуру»). На данный момент уже имеется значительное количество изданий, специально посвященных лингвокультурологии и озаглавленных соответственно. Они позиционируются авторами как учебные пособия и сами по себе относятся к лингвокультурологии «в узком смысле», представляя ее как учебную дисциплину. Однако ни одно из них не обходится без упоминания работ авторов, которых в академической традиции обычно относят к философам, лингвистам, антропологам и т. д. Таким образом, «узкая» лингвокультурология опирается на «широкую» как одна часть пирамиды на другую. Более адекватно ситуацию, однако, обозначит визуально с трудом представимая метафора, отсылающая к импоссибилистическим рисункам М. Эшера: «узкая» лингвокультурология как бы содержит в себе несопоставимо большее по объему знание, выдавая его за свое, но почти полностью игнорируя реальные контексты его получения и оформления.

Статус лингвокультурологии

Предложенные рабочие определения вполне позволяют ориентировать учащихся в проблематике дисциплины, но, разумеется, не решают проблему ее содержания и границ. Неоднократно встречавшиеся мне при личном общении скептические суждения весьма уважаемых лингвистов и филологов в отношении лингвокультурологии позволяют поднять и принципиальный вопрос о необходимости ее самостоятельного существования. Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, где искать аналоги «лингвокультурологическому» знанию в зарубежной науке. Если достижения российских исследователей в этой области уникальны, то в каком формате

знакомить с ними не читающих по-русски иностранных коллег? В каких зарубежных журналах публиковаться тем, кто занимается данной проблематикой? Как правильно обучать студентов, желающих специализироваться на «лингвокультурологических» темах, но не намеренных отказываться от возможностей, предоставляемых международной академической мобильностью? Итак, если вновь воспользоваться лингвистической терминологией, то кроме экстенционала мы должны определить интенционал рассматриваемого понятия, параллельно обосновывая эвристическую ценность его (понятия) применения.

Обратимся к вопросу о самостоятельности, иначе говоря, о статусе лингвокультурологии. Гипотетически она может претендовать на звание отдельной науки, раздела какой-то науки, особого направления или подхода в рамках одной из наук, области или отрасли знания и т. п. Для познания «в чистом виде» определение места одной из «-логий» в иерархии других, вероятно, неважно. Однако это важно с точки зрения современных социальных, точнее институциональных, и вследствие этого, экономических реалий. Иными словами, для организации и финансирования учебного процесса (школьное деление на предметы, учебные планы университетов) и собственно исследовательской деятельности такое разделение совершенно неизбежно. Не обойтись без него и в библиотеках. Любой продукт научной деятельности, будь то статья или монография, должен быть вписан в один из разделов, предусмотренных существующими системами кодификации и рубрикации информации (УДК³, ГРНТИ⁴, ББК⁵).

³ Универсальная десятичная классификация (УДК) – система классификации информации, широко используемая сегодня во всем мире для систематизации произведений науки, литературы и искусства, периодической печати, различных видов документов и организации картотек.

⁴ Государственный рубрикатор научно-технической информации (ГРНТИ) используется для систематизации всего потока научно-технической информации в России и государствах СНГ учреждениями, связанными с управлением деятельностью в сфере науки и образования. Представляет собой универсальную иерархическую классификацию областей знания и связан в своей кодовой части с Номенклатурой специальностей научных работников.

⁵ Библиотечно-библиографическая классификация (ББК) – признанная зарубежными экспертами Национальная классификационная система маркировки изданий, используемая в научных (цифровой код) и массовых (буквенный код) библиотеках Российской Федерации.

Только в этом случае книга окажется в библиотеке (даже если эта библиотека – электронная) на «правильной» полке, а те, кому она действительно нужна, смогут отыскать ее среди огромного числа других. В классификаторе ГРНТИ лингвокультурологии как таковой нет ни под кодами, начинающимися с 13 («культура, культурология»), ни под кодами группы 16 («языкознание»). Не удалось обнаружить ее и в разделах областей знания! Получается, что лингвокультурологии «в узком смысле» *формально* не существует, а посвященные ей учебные пособия в соответствии с действующими сегодня в России универсальной десятичной и библиотечно-библиографической кодификациями маркированы 81 кодом – «Языкознание» [10 с. 2; 11 с. 2]. Авторы этих пособий, практически все – лингвисты и филологи, не оставив без внимания вопрос о месте лингвокультурологии среди других дисциплин, также пытались определить его с точки зрения науки о языке. Только у одного из авторов мы встречаем указание на то, что «участие языка в созидании духовной культуры» должна исследовать некая новая дисциплина или система дисциплин «с приоритетом культурологов» [11 с. 32].

Как с этимологической, так и с чисто логической точки зрения представляется очевидным, что лингвокультурологию возможно представлять в контексте как языкознания, так и наук о культуре. Попробуем сделать это, обратившись к уже упоминавшемуся официальному классификатору (ГРНТИ). На сегодняшний день он содержит достаточно подробную рубрикацию раздела 13.00.00 *Культура. Культурология* [12]. Если ориентироваться на содержание существующих на данный момент пособий по лингвокультурологии и самое общее ее определение как дисциплины, изучающей взаимодействие языка и культуры, то она могла бы входить в следующие рубрики: 13.01.00. *Общие вопросы культуры*; 13.07.00. *Теория, методология и философия культуры*; 13.07.21. *Отдельные направления и школы*; 13.07.25. *Отдельные философско-теоретические проблемы культуры*; 13.07.77. *Методология и методы изучения культуры*; 13.09.00. *История культуры. История изучения культуры*; 13.11.22. *Культура и идеология*; 13.11.28. *Культура и личность*; 13.11.44. *Национальное и интернациональное в культуре. Национальная идентичность и взаимодействие культур*; 13.15.51. *Культурная политика*. Впрочем, ни в одну из них она в данный момент не входит! В разделе «Языкознание» перспективной представляется только рубрика 16.31.61. *Приложение языкознания к другим наукам* [13].

Определения лингвокультурологии

Выяснив, что никакого официально признанного статуса у лингвокультурологии пока нет, а значит, любая точка зрения на ее место в системе знания имеет право на существование, займемся, наконец, содержательным определением этой дисциплины и рассмотрим некоторые из многочисленных вариантов, предлагаемых в уже существующих учебных пособиях. Пожалуй, самое подробное определение лингвокультурологии предлагает В.В. Воробьев: «Комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [14 с. 36–37]. В учебном пособии В.А. Масловой лингвокультурология – «гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [15 с. 30], и вместе с тем – «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии» [15 с. 9], «интегративная область знаний, вбирающая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [15 с. 32]. В.В. Красных считает, что лингвокультурология изучает «проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» и «непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [10 с. 12]. Следующие определения принадлежат разным авторам, но оба отличаются от предыдущих своей лаконичностью: лингвокультурология – «комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [16 с. 87] и «философия языка и культуры» [11 с. 31]. Второе следует рассматривать в контексте целой системы дисциплин, которую предлагает А.Т. Хроленко. По его мнению, лингвокультурология – теоретическая надстройка над более общей наукой, называемой лингвокультуроведением. Правда, философией языка профессиональные философы чаще называют вполне конкретное направление в философии XX века [17], а под философией культуры уже достаточно давно также понимается нечто, явно несводимое к предмету лингвокультурологии, как бы широко мы его ни трактовали⁶.

⁶ Фундаментальный обзор истории вопроса см. [18].

Мотивы, присутствующие в цитированных определениях, в различных комбинациях встречаются и в других версиях, поэтому вышеприведенный список, хотя и не является исчерпывающим, вполне представителен. Практически у всех авторов присутствует и часто даже доминирует идея «комплексности», «синтеза», «интегративности», используются метафоры «вбирания» результатов других наук, «стыка» и т. п. Таким образом, обращается внимание на междисциплинарный характер, пограничное положение лингвокультурологии. Однако этот мотив по отношению к научной дисциплине представляется нам в принципе не совсем уместным. Междисциплинарным, а лучше сказать поли- или мультидисциплинарным (поскольку «между» предполагает отсутствие локуса – нахождение «ни там ни сям») может быть конкретное исследование, проводимое совместно специалистами из нескольких областей, с целью решения какой-либо практической задачи, которая по своему характеру не может быть решена в рамках одной науки. Что же касается научной дисциплины, претендующей на самостоятельность, то ее предмет и соответствующие ему методологические установки должны быть сформулированы как отличные от других, ранее оформившихся наук. В противном случае ее правильно считать исследовательским направлением или научной школой. Другое дело – происхождение науки и дисциплинарная квалификация и идентификация ее лидеров.

Еще одним недостатком существующих определений лингвокультурологии является использование их авторами других, также не устоявшихся еще в своих значениях слов и словосочетаний, более напоминающих «научные окказионализмы», нежели термины. Таков, безусловно, «ментально-лингвальный комплекс»; повсеместно встречаются в текстах о языке и культуре, но так и не получили четкого определения, «национальная картина мира» и «языковое сознание»; не совсем ясно, что понимается под «фиксацией культуры» в языке наряду с ее «проявлением» и «отражением».

Поскольку слово «лингвокультурология» очевидно не относится к словам общеупотребительным, т. е. используемым в повседневном общении, а является частью специального языка, назовем его условно языком гуманитарной науки; уместно надеяться, что это слово будет определено как термин. Одно из наиболее точных и емких, на наш взгляд, определений «термина» предложила Большая советская энциклопедия: «термин (позднелат. Terminus – термин, от лат. Terminus – предел, граница): 1) слово или словосочетание, призванное точно обозначить понятие и его соотношение с др. понятиями в пределах специальной сферы. Т. служат специализиру-

ющими, ограничительными обозначениями характерных для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. Они существуют лишь в рамках определенной терминологии. В отличие от слов общего языка, Т. не связаны с контекстом» [19]. Ключевыми словами здесь являются «граница, ограничение» и «соотношение». Стало быть, искомое определение лингвокультурологии должно отграничивать ее от других наук, дисциплин, областей знания и в то же время указывать на отношения с ними. С этой точки зрения ни одно из известных нам на сегодня определений не может считаться удовлетворительным, поскольку не имеет терминологического характера, т. е. не отграничивает определяемое от сходных и смежных сущностей. Еще раз повторим, что важен не сам по себе вопрос определения лингвокультурологии ради утверждения ее самостоятельного статуса, а поиск такого предмета дисциплины, который позволил бы открыть новые пути развития знания, знания о языке и культуре, знания о человеке и обществе. На этом пути возможен и отрицательный результат: нельзя исключать, что вопросы, которые сегодня ставятся в рамках лингвокультурологии, могут решаться или уже успешно решаются другими дисциплинами.

Интересно отметить, что с точки зрения языка номинация наук может производиться при помощи одного простого слова («физика», «химия») или двусоставного слова, одна из частей которого соотносится с обозначением процесса получения знания (-логия, -графия), а другая называет предмет познания (био-логия, этно-графия). Сравнительно успешно удается утвердиться дисциплинам, обозначение которых включает два содержательных компонента (социолингвистика, психолингвистика). Если же для обозначения нового направления используются три корня (лингвокультурология, этнопсихолингвистика), или словосочетание (психологическая антропология, историческая этнология), это свидетельствует о его минимальных шансах стать самостоятельной наукой: язык будто сам препятствует использованию чрезмерно усложненных инструментов познания.

Объект и предмет лингвокультурологии

Что является объектом и предметом лингвокультурологии, по мнению авторов существующих учебных пособий? Для ответа на этот вопрос воспользуемся формальным приемом, основанным на русской грамматике: если объект и предмет не указаны в тексте явно, то они могут быть представлены как объекты действия при

переходных глаголах в конструкциях типа «наука/дисциплина изучает + Винительный падеж», «исследует + Вин. пад.» и т. п. Из пособия В.В. Воробьева мы извлекаем таким способом «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка» и, чуть далее, «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации», а также «всё, что составляет языковую картину мира» [14 с. 32]. Мнения В.В. Красных и В.И. Карасика фактически совпадают с первым из этих определений.

В тексте В.А. Масловой лингвокультурология изучает «материальную и духовную культуру», а вот ее предметы автор перечисляет подробно, указывая, впрочем, что этот список может быть дополнен: безэквивалентные языковые единицы – «лакуны на семантической карте языка»; мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке; паремиологический фонд языка; фразеологический фонд языка; эталоны, стереотипы, символы; метафоры и образы; стилистический уклад языков; речевое поведение; речевой этикет [15 с. 37–47]. Заметим, что феноменологический статус этих «предметов» обозначен недостаточно последовательно: большинство отнесены к языковым явлениям, некоторые – например, паремиологический фонд языка – к поведенческим, а вот где и как позволяют обнаружить и соответственно изучать себя оставшиеся («эталоны, стереотипы, символы», «метафоры и образы»), не совсем ясно.

А.Т. Хроленко называет объектом лингвокультурологии «язык и культуру» [11 с. 31], а ее предметом – «фундаментальные вопросы, связанные с преобразующей стороной связи языка и культуры: изменения языка и его единиц, обусловленные динамикой культуры, а также преобразования в структуре и изменения в функционировании культуры, предопределенные языковой реализацией культурных смыслов» [11 с. 30]. При этом описанием конкретных примеров взаимодействия отдельных явлений культуры с языковыми явлениями должны заниматься «более частные лингвокультуроведческие дисциплины» (этнолингвистика, лингвофольклористика). Цель же лингвокультурологии – «обобщение информации, накопленной этнолингвистикой (этнолингвистиками) и входящими в нее дисциплинами» и «выявление механизмов взаимодействия и взаимовлияния двух фундаментальных феноменов – языка и культуры, обуславливающих феномен человека» [11 с. 30].

Н.Ф. Алефиренко считает объектом лингвокультурологии «продукты ценностно-смыслового познания, мир субъективных образов, смыслов и ценностей, порождаемых языковыми личностями, точнее, их смысловыми установками» или «языковую/дискур-

сивную деятельность, рассматриваемую с ценностно-смысловой точки зрения» (курсив Н.Ф. Алефиренко. – Ю. Ф.), а предметом – «репрезентацию в языке фактов культуры» [20 с. 7–14].

Вряд ли подробный критический разбор существующих определений позволил бы нам существенно продвинуться в понимании предмета анализа, поэтому обобщим наше мнение в образе, примерно так, как уже делали это ранее в отношении лингвокультурологии в «узком» и «широком» смыслах. Практически все приведенные определения производят впечатление винегрета из более или менее одинаковых слов-ингредиентов (*культура, язык, человек, взаимосвязь, взаимовлияние, ценности, смыслы*), перемешанных практически произвольно и образующих смысловые единства исключительно благодаря синтаксической правильности их соединения во фразе, а не содержательной логике, в соответствии с которой такое соединение было получено. Взятые в совокупности имеющиеся определения лингвокультурологии представляют нам почти все теоретически возможные комбинации указанных ингредиентов, но ни одной последовательной теоретико-методологической позиции, на основании которой можно было бы развивать реальные исследования этой самой «взаимосвязи языка и культуры».

Лингвокультурология как часть культурологии

Попробуем теперь подойти к вопросу о предмете лингвокультурологии со второй стороны – рассмотреть ее как возможную часть культурологии. Не откроются ли нам в этом случае новые пути получения знания об окружающей действительности, о человеке и обществе, собственно о культуре и языке? Не будут ли перспективы развития нашей дисциплины выглядеть более привлекательными с этой точки зрения? Начнем, как всегда, *ab ovo* – с определения культурологии. Ввиду невозможности сколь-либо подробного анализа всех существующих определений в рамках статьи воспользуемся формулировкой соответствующей страницы Википедии, представляющей нам вполне взвешенной: «наука, изучающая культуру, наиболее общие закономерности ее развития. В задачи культурологии входит осмысление культуры как целостного явления, определение наиболее общих законов ее функционирования, а также анализ феномена культуры как системы» [21]. Определение очевидно сциентистское (целостное явление, законы функционирования, системность), но оставляющее каждому право понимать объект изучения, т. е. культуру, по-своему, а значит и свои исследо-

вания выстраивать в соответствии с самыми разными парадигмами, по сути, вокруг слова, а не понятия. Иными словами, предмет культурологии определяется содержанием понятия «культура». Если воспринимать лингвокультурологию как часть культурологии, то ее объектом логично также считать культуру, что бы под ней ни понималось.

Вместо того, чтобы в очередной раз пытаться хотя бы обозреть весь спектр существующих определений культуры, как это делается не только в учебниках по культурологии, но и практически во всех ранее упомянутых пособиях по лингвокультурологии⁷, прибегнем вновь к приему рабочих определений. Попробуем называть культурой «систему значений (представлений, смыслов, ценностей, а также знаков и символов), разделяемых определенной группой индивидов». Слово «система» здесь предпочтительнее, чем, например, слова «набор» или «комплекс», но используется в «мягком» смысле, отражая лишь понимание взаимной и многомерной связанности разных представлений или значений, но отнюдь не их включенность в какую-то «жесткую» или неизменную структуру. Приведенные в скобках слова уточняют значение опорного слова в определении, а именно слова «значение». Такие значения отличаются от значений в лингвистическом смысле. Если языковое значение является означаемым некоторого знака или означающего, которым является звуковая форма, т. е. слово, то наши значения сами являются означающими для тех ценностей и смыслов, которые получили распространение в обществе (или сообществе). Поскольку такого рода значения составляют культуру, мы будем называть их *культурными значениями*. Как о з н а ч а ю щ и е ц е н н о с т е й, культурные значения ближе по смыслу слову *значимость*, чем слову *означать*.

Предметом лингвокультурологии как раздела культурологии или «культурологической» лингвокультурологии можно назвать *культурные значения в языке*. Правильней было бы называть такую дисциплину *культурной лингвокультурологией* с очевидной для профессиональных культурологов отсылкой к пониманию культуры и исследовательской проблематики в британской школе культурных исследований. Однако *культурный* как определение настолько прочно утвердилось в русском языке в качестве оценочного (культурный/некультурный), что даже в академическом дискурсе с трудом приживается как термин. Возможно, стоит остановиться на словосочетании «лингвокультурные исследования»,

⁷ См., например, [20 с. 26–29, 15 с. 12–15].

в котором формант лингво- в значительной мере нейтрализует оценочные свойства основного прилагательного⁸.

Под языком мы подразумеваем несколько совершенно определенных и отличающихся друг от друга вещей, а именно: *языковые явления, языковые структуры и речевую деятельность*. Словосочетание «языковые явления» можно понимать буквально и в то же время предельно широко: все, что *является* нам в языковых формах – от отдельного слова, морфемы или даже звука, если он воспринимается как означающий что-либо, до конкретного (в духе эстетики Б. Кроче) прочтения сколь угодно объемного, но все же представляющего некую целостность текста. В отличие от явлений языковые структуры не воспринимаются непосредственно органами чувств – они могут быть постулированы при помощи аналитических операций и описаны в специальной литературе о языке (фонетические закономерности, морфологические и грамматические структуры, синтаксис, композиция или любая другая структура, иногда многоуровневая, обеспечивающая единство языковых явлений).

Синонимами *речевой деятельности* можно считать словосочетания «речевое поведение» и «языковая деятельность», если обозначать таким способом всю совокупность действий человека, совершаемых при помощи естественного языка, как в устной, так и в письменной форме. Термин «речевое поведение» был бы самым удачным, если бы под ним не понимали чаще всего исключительно устную речь. «Языковая деятельность» вроде бы не имеет таких коннотаций и подразумевает более широкий диапазон человеческой деятельности. Впрочем, настолько широкий, что в сознании почти сразу возникает «языковое строительство», процессы формирования литературного языка, борьба с заимствованиями, диалектизмами, за всеобщую грамотность и т. п.

В этой связи нельзя не упомянуть еще одно довольно близкое по значению словосочетание, предложенное некогда Б.М. Гаспа-

⁸ В прилагательном настолько сильно актуализируется единственное понимание слова «культура» как уровня воспитания, что его почти невозможно применять к другим существующим и потенциально возможным смыслам того же слова. Такого же рода сопротивление язык оказывает использованию в единственном числе прочно вошедшего в русский язык слова *медиа* (медиахолдинг, медиаисследования): все попытки назвать только один тип посредника при коммуникации медиумом (фотографию, печатное СМИ и т. д.) обрекаются на провал прочными ассоциациями русскоязычного сознания с героями спиритических сеансов.

ровым [22] – «языковое существование». В речевой деятельности лингвокультурные исследования будут интересоваться не механизмами использования языковых форм и языка в принципе, а реализацией индивидами своей «социальности», процессами установления, поддержания и разрушения общественных отношений, осуществляемых при помощи конкретного языка в условиях конкретной ценностно-смысловой среды («системы значений»), называемой *культурой*. Таким образом, главным здесь является установка на понимание социальности как возможной только в культурно-специфических формах, частью которых будут формы языковые. Формы же, например, визуальные изучает другая часть культурологии – визуальные исследования и т. д.

Отметим, что на данный момент наибольшие успехи достигнуты в деконструкции культурных значений (коллективных представлений) в речевых практиках, в первую очередь в письменных текстах (дискурс-анализ). Практически нет однозначно принимаемых научным сообществом результатов изучения роли языковых явлений (отдельных слов, выражений, речевых клише, грамматических явлений) и тем более языковых структур (отдельных связей, отношений, оппозиций и их системы в языке) в производстве и передаче культурных значений.

Заключение

Подводя итоги нашим пока конспективным размышлениям о лингвокультурологии как части культурологии, в несколько упрощенной с дидактическими целями форме предложим считать объектом этой дисциплины культуру, понимаемую как любые коллективные представления (значения), а предметом – взаимодействие языка (языковых явлений, языковых структур и практик речевой деятельности) и таких представлений.

В дальнейшем мы планируем подробнее объяснить свою точку зрения на то, какого рода исследования целесообразно называть лингвокультурологическими (или лингвокультурными), так, чтобы они отличались от всех других подходов к изучению языка и культуры, и чему имеет смысл учить студентов в рамках учебного курса «Лингвокультурология» в зависимости от направления их профессиональной подготовки. Безусловно, более подробно должен быть описан и наш взгляд на пока лишь обозначенные теоретические и методологические основания таких исследований.

Литература

1. *Лучинина Е.Н.* Лингвокультурология в системе гуманитарного знания // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 238–243.
2. *Павлова А.В.* Лингвокультурология в России: «за» и «против» // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. № 2 (6). Р. 201–221.
3. Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова / Под ред. О.А. Давыдовой. М.: МГПУ, 2015. 489 с.
4. *Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю.* Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта; Наука, 2016. 478 с.
5. *Зыкова И.В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 749 с.
6. Казанский федеральный университет: Кафедра общей лингвистики и лингвокультурологии [Электронный ресурс]. URL: <http://ifi.kpfu.ru/?q=node/482> (дата обращения 17.03.2018).
7. Институт международных отношений и мировой истории Университета Лобачевского: Кафедра иностранных языков и лингвокультурологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imomi.unn.ru/about/struktura/kafedryi/281-kafedra-inostrannyh-jazykov-i-lingvok> (дата обращения 17.03.2018).
8. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: Кафедра английской филологии и лингвокультурологии [Электронный ресурс]. URL: <http://phil.spbu.ru/o-fakultete-1/struktura-fakulteta/kafedry/kafedra-angliiskoi-filologii-1> (дата обращения 17.03.2018).
9. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 128–129.
10. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
11. *Хроленко А.Т.* Основы лингвокультурологии: Учебное пособие. М.: Флинта, 2005. 184 с.
12. Государственный рубрикатор научно-технической информации: Культурология [Электронный ресурс]. URL: <http://gnti.ru/?p1=13> (дата обращения 17.03.2018).
13. Государственный рубрикатор научно-технической информации: Прикладное языкознание [Электронный ресурс]. URL: <http://gnti.ru/?p1=16&p2=31> (дата обращения 17.03.2018).
14. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во РУДН, 1997. 477 с.
15. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2001. 208 с.
16. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

17. Философская энциклопедия: Философия языка [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9326/Философия (дата обращения 17.03.2018).
18. Философия культуры: Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской. СПб.: Лань, 1998. 448 с.
19. Термин [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2048084.html> (дата обращения 21.03.2018).
20. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта; Наука, 2010. 288 с.
21. Культурология [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Культурология> (дата обращения 31.03.2014). К моменту завершения статьи определение было изменено.
22. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.

References

1. Luchinina EN. Linguistic Culturology in the system of humanitarian knowledge. *Criticism and semiotics*. 2004;7:238-43. (In Russ.)
2. Pavlova AV. Linguistic Culturology in Russia: “pro” and “con”. *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2015;2:201-21. (In Russ.)
3. Davydova OA., ed. Ethnolinguistics and cultural linguistics of literary texts by Mikhail Sholokhov. Moscow: MGPU Publ.; 2015. 489 p. (In Russ.)
4. Evsyukova TV., Butenko EYu. *Linguo-Cultural studies. A textbook*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ.; 2016. 478 p. (In Russ.)
5. Zyukova IV. A meta-language cultural-linguistic constants and variants. Moscow: Gnosis Publ.; 2017. 749 p. (In Russ.)
6. Kazan Federal University. Department of General Linguistics and Linguistic Culturology [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: <http://ifi.kpfu.ru/?q=node/482> (In Russ.)
7. Institute of international relations and world history of Lobachevsky University. The Department of foreign languages and linguistic culturology [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: <http://www.imomi.unn.ru/about/struktura/kafedryi/281-kafedra-inostrannyh-jazykov-i-lingvok> (In Russ.)
8. Philological faculty of Saint Petersburg state University. Department of English Philology and linguistic culturology [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: <http://phil.spbu.ru/o-fakultete-1/struktura-fakulteta/kafedra-angliiskoi-filologii-1> (In Russ.)
9. Denotat. V. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. p. 128-29. (In Russ.)
10. Krasnykh VV. Ethnopsycholinguistics and linguistic culturology. Moscow: Gnosis Publ.; 2002. 284 p. (In Russ.)

11. Khrolenko AT. Fundamentals of linguistic culturology. A textbook. Moscow: Flinta Publ.; 2005. 184 p. (In Russ.)
12. State Classifier of Scientific and Technical Information. Practical Linguistics [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: <http://grnti.ru/?p1=13> (In Russ.)
13. State categories of scientific and technical information. Linguistics [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: <http://grnti.ru/?p1=16&p2=31> (In Russ.)
14. Vorobyov VV. linguistic Culturology: theory and methods. Moscow: RUDN Publ.; 1997. 477 p. (In Russ.)
15. Maslova VA. Cultural Linguistics. Textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Academy Publ.; 2001. 208 p. (In Russ.)
16. Karasik VI. Language circle. Personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena Publ.; 2002. 477 p. (In Russ.)
17. Encyclopedia of philosophy [Internet]. [data obrashcheniya 17 Mar. 2018]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9326/Философия (In Russ.)
18. Kagan MS., Perov YuV., Prozerskii VV., Yurovskaya EP., eds. Philosophy of culture. Formation and development. Sankt-Peterburg: Lan' Publ.; 1998. 448 p. (In Russ.)
19. Term. *Great Soviet encyclopedia*. [Internet]. [data obrashcheniya 21 Mar. 2018]. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2048084.html> (In Russ.)
20. Alefirenko NE. Cultural linguistics. Axiological space of language. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ.; 2010. 288 p. (In Russ.)
21. Culturology. *Wikipedia*. [Internet]. [data obrashcheniya 31 Mar. 2014]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Культурология> (by the time the article was completed, the definition had been changed). (In Russ.)
22. Gasparov BM. Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije Publ.; 1996. 352 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Юрий В. Филиппов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; 15966720@yandex.ru

Information about the author

Yurii V. Filippov, PhD in History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; 15966720@yandex.ru